

АЛЬМАНАХ РУССКОЙ ПОЭЗИИ
И ПРОЗЫ

Литературный оверлок

ВЫПУСК №3 / 2017

Иван Евсеенко (мл)

**Литературный оверлок.
Выпуск №3 / 2017**

«Издательские решения»

Евсеенко (мл) И.

Литературный оверлок. Выпуск №3 / 2017 / И. Евсеенко (мл) — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851566-8

Именно этот номер «ЛО» я взял бы с собой на пресловутый остров. Радует он меня как составителя. Миниатюры-энергетики Руслана Гавальда контрастируют с обстоятельным повествованием Кирилла Берендеева. Написанный в лучших традициях русской прозы рассказ Марии Шамовой дает надежду на светлое будущее отечественной литературы. Разные подходы к ритмике, рифме и стихосложению в целом наблюдаются в разделе «Поэзия» у трех представленных в нем авторов: Екатерины Ярмоц, Светланы Гольдман и Ольги Бунякиной.

ISBN 978-5-44-851566-8

© Евсеенко (мл) И.
© Издательские решения

Содержание

От составителя	6
Проза	7
Руслан Гавальда	7
Музыка	7
Незримые твари	8
Devotion	11
1	11
2	12
3	12
Любовь на прокат	13
1	13
2	13
3	14
4	14
Моя любимая учительница	15
Моя первая доза	16
1	16
2	17
Кирилл Берендеев	18
Натали	18
Карта памяти	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Литературный оверлок

Выпуск №3 / 2017

Авторы: Евсеенко (мл) Иван, Бунякина Ольга, Шамова Мария, Ярмоц Екатерина,
Берендеев Кирилл, Гольдман Светлана, Гавальда Руслан

Редактор-составитель Иван Иванович Евсеенко

© Иван Евсеенко (мл), 2017

© Ольга Бунякина, 2017

© Мария Шамова, 2017

© Екатерина Ярмоц, 2017

© Кирилл Берендеев, 2017

© Светлана Гольдман, 2017

© Руслан Гавальда, 2017

ISBN 978-5-4485-1566-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От составителя

Скорее всего, именно данный номер «Литературного оверлока», из трех выпущенных, я взял бы с собой на пресловутый необитаемый остров. Уж больно радует и веселит он меня, как составителя. Миниатюры-энергетики Руслана Гавальда, требующие от читателя особого восприятия, контрастируют с обстоятельным повествованием Кирилла Берендеева. Написанный в лучших традициях русской классической прозы рассказ Марии Шамовой «Вещий сон» вселяет в читателя веру в светлое будущее современной отечественной литературы. Абсолютно разные подходы к ритмике, рифме и стихосложению в целом, можно наблюдать в разделе Поэзия у трех представленных в нем авторов: Екатерины Ярмоц, Светланы Гольдман и Ольги Бунякиной.

Читайте и перечитывайте «Литературный оверлок»!

Редактор-составитель Иван Евсеенко (мл)

Проза

Руслан Гавальда

Руслан Гавальда родился в 1990 году в Казани. В 2010 году окончил педагогический колледж г. Бугульма по специальности «иностранный язык». В настоящее время живет в Москве, работает литературным критиком-фрилансером. Закончил в 2016 году Литературный институт им. А. М. Горького (семинар прозы Сергея Толкачева). Литературой начал заниматься еще в школьном возрасте. Первые публикации состоялись в 2004—2005 годах в еженедельной «Бугульминской газете». Позже начал писать фельетоны и литературоведческие статьи. В 2015 году вошел в лонг-лист премии «Дебют» в номинации «эссеистика» с эссе «Пелевин, или Тайна, которую нельзя раскрывать».

Музыка

- Я поставлю музыку. Не против? – говорит она.
- Да. Конечно. Совсем нет.
- Звучит Genesis. Она спрашивает:
- Нравится? – спрашивает, – Я люблю группу Краски... Вообще веселую музыку люблю. Танцевальную, о'к? Просто она не романтическая... А мы вроде как, – улыбается она. Он смущен, тоже улыбается, говорит:
- А я стал большим фанатом Genesis после выхода альбома Duke, в 1980-м...
- Да? – говорит она, – Послушай, – говорит, – Это так интересно!
- Она закуривает сигарету, говорит:
- А я обожаю группу Краски. Они классные. Особенно Оксана Ковалевская... Она так одевается... Знаешь... Прямо ас! Однажды я видела ее маникюр... Ходила брать автограф...
- Когда вышел «Duke», где присутствие Фила Коллинза проявилось значительно ярче, музыка стала посовременнее, ударные выступили почетче, тексты сделались менее замороженными на мистике и более своеобразными (может быть, из-за ухода Питера Г'эбриэла), – а замысловатые изыскания в области потерь и утрат сменились великолепными образцами первоклассных песен, и я с радостью принял их творчество. Хотя...
- Нет, я конечно не та девушка из безумных фанаток, что подражают любимым исполнителям во всем, нет. У нас однажды Тая, которая почему-то претя по Аврил Лавин,

решилась сделать себе мелирование как у нее... Не очень вышло, потому что Тая все-таки не канадская певица и волосы у нее темные...

– Единственная откровенная лажа на всем альбоме Duke – это «Alone Tonight», которая слишком уж напоминает «Tonight, Tonight, Tonight» с более позднего альбома «Invisible Touch» и это единственный случай, когда Коллинз повторил себя самого.

Вдруг начинает звучать:

See the lonely man there on the corner,

What he's waiting for...

Он оживляется:

– Моя любимая песня – «Man on the Corner», «Человек на углу». Единственная песня на всем альбоме, для которой и музыку, и слова написал Коллинз; трогательная баллада с симпатичной мелодией, которую играет синтезатор, и интересными ударными ритмами на заднем плане.

– ...тип кожи, этому типу кожи вообще противопоказаны любые изменения во внешности! Даже губная помада может с ней сотворить такое, что...

– Между прочим, это альбом Abacab? Что вышел почти сразу за Duke. Этот проект очень выиграл от сотрудничества с новым продюсером, Хью Пэдджемом, который привнес в группу более современное по меркам восьмидесятых звучание...

– Знаешь, у вас мужиков, есть такое расхожее выражение, что шансон – это когда хорошему человеку плохо. А тогда что такое попса? (Смеется.) Это когда человеку хорошо? Нет, конечно же, – это, прежде всего музыка честная, искренняя: человек делится своими переживаниями и когда ему плохо, и когда хорошо. А в плане честности, кстати, попсовой музыке здесь многие ваши направления проигрывают... Нет, ну что плохого в том, что она... Ммм... Как бы, как бы это сказать... Эээ...

– ...и даже в самых печальных и безысходных фрагментах (как, скажем, песня «Dodo» про вымирающих животных) музыка на альбоме Abacab – легкая и ненапряжная.

– Именно: легкая и ненапряженная!

Она незаметно выдергивает из розетки магнитофон.

Он улыбается:

– Да, выключай свет... Иди ко мне...

Незримые твари

2. Испорченная кассета

Погода была ужасная.

Принцесса была прекрасная.

Днем во втором часу

Заблудилась принцесса в лесу

А. Градский

– Это как алкогольная зависимость, – говорит он. – Сначала, когда ты только пробуешь виски, тебе это не очень-то и нравится. «Фу, какая дрянь», – говоришь ты, – Но потом требуешь еще стаканчик.

– Наша жизнь требует определённой приватности. И мы не устраиваем из этого шоу. Мы никому не должны доказывать факт своего существования. Публичное признание в том, кто вы, даст вам совершенно не нужное внимание, и вызовет негативную реакцию всего общества. Хотя сначала хочется «по секрету всему свету» сообщить о своем «втором рождении». Ведь это это как первый секс, ощущения незабываемые и обязательно нужно всем рассказать, – говорит он, – Похвастать перед пацанами, что ты уже не мальчик.

– Но наше место в тени, – кивает Амирхан, – Наша самая лучшая защита от враждебно настроенной части человечества – это её неверие в наше существование. Когда-нибудь мы сможем сделать это знание публичным. Время придёт. Не стоит прятаться от своей природы, но не стоит демонстрировать её тем, кто не в состоянии понять.

– Необходимо научиться чувствовать момент, когда ты начинаешь потакать своей природе. Не стоит выставлять напоказ свою сущность в публичных местах. Процесс питания следует проводить приватно. Мы не должны подвергать опасности себя и других. Не будьте беспечны. Сохранность всего сообщества складывается из благополучия всех его членов.

– Мы должны жить так, как живёт любой другой человек: иметь работу, содержать дом, общаться с соседями. Быть теми, кто мы есть – не предлог ухода от реальности. Если ты один из нас, то это еще ничего не значит.

– Хотя, конечно, наш стиль жизни и не для каждого. Заботьтесь о тех, кого вы вводите в наш круг. Среди нас нет места духовно и эмоционально нестабильным людям. Они опасны, ненадёжны и могут в будущем предать нас. Будьте уверены в том, что те, кого вы выбрали, способны нести это бремя. Учите их контролю и осмотрительности. Будьте уверены в том, что они уважают наши пути.

– Мы не можем быть никем другим. Мы – это мы. Они заслуживают нашего уважения за свои услуги. Никогда не обращайтесь дурно со своими донорами, физически или эмоционально. Они не должны быть объектами манипуляций и домогательств в большей мере, чем они добровольно позволяют. Никогда не имейте доноров, являющихся таковыми за вознаграждение. Цените их общество и расположение, которые так редко можно получить от других. Цените их жизнь, которую они дарят вам. Ваш союз священен. Не предавайте его.

– У нас таких экземпляров выше крыши, – говорит Виктория Сорокина, сестра «Центральной клинической психиатрической больницы» №1 им. Н. А. Алексеева, – и я сначала тоже не принимала их стиль жизни. Как так можно жить? Но ведь это что-то вроде алкогольной зависимости, – говорит она, – поняла я потом. Сначала, когда ты только пробуешь виски, тебе это не очень-то и нравится. «Фу, какая дрянь», – говоришь ты, – Но потом пробуешь еще стаканчик, – смеется. – Ведь это это как первый секс, ощущения незабываемые и обязательно нужно всем рассказать, – говорит она, – Похвастать перед подружками, что ты уже не девочка.

– Мы просто другие, – подтверждает Ахмед и разводит руками, – и осознаем свою инаковость, как нечто, данное нам, и делающее нас такими. И мы разные. Есть потребители кала, спермы, мочи. Наши пути различны, даже не смотря на то, что наше путешествие общее. Никто из нас в отдельности не может дать ответов на все вопросы по поводу того, кем или чем мы являемся. Опыт и взгляды каждого из нас достойны уважения. Мы не должны позволять мелким идеологическим разногласиям становиться препятствием в деле нашего объединения. Для нас вполне достаточно нападок со стороны. В нашем многообразии – наша сила. Пусть различия в наших взглядах обогащают, а не разобщают нас. Мы развиваемся, как и любые другие культуры. От этого никуда не денешься. Мы есть.

– Это как алкогольная зависимость, – говорит он. – Сначала, когда ты только пробуешь виски, тебе это не очень-то и нравится. «Фу, какая дрянь», – говоришь ты, – Но потом пробуешь еще стаканчик.

– Наша жизнь требует определённой приватности. И мы не устраиваем из этого шоу. Мы никому не должны доказывать факт своего существования. Публичное признание в том, кто вы, даст вам совершенно не нужное внимание, и вызовет негативную реакцию всего общества. Хотя сначала хочется «по секрету всему свету» сообщить о своем «втором рождении». Ведь это это как первый секс, ощущения незабываемые и обязательно нужно всем рассказать, – говорит он, – Похвастать перед пацанами, что ты уже не мальчик.

– Но наше место в тени, – кивает Амирхан, – Наша самая лучшая защита от враждебно настроенной части человечества – это её неверие в наше существование. Когда-нибудь мы сможем сделать это знание публичным. Время придёт. Не стоит прятаться от своей природы, но не стоит демонстрировать её тем, кто не в состоянии понять.

– Необходимо научиться чувствовать момент, когда ты начинаешь потакать своей природе. Не стоит выставлять напоказ свою сущность в публичных местах. Процесс питания следует проводить приватно. Мы не должны подвергать опасности себя и других. Не будьте беспечны. Сохранность всего сообщества складывается из благополучия всех его членов.

– Мы должны жить так, как живёт любой другой человек: иметь работу, содержать дом, общаться с соседями. Быть теми, кто мы есть – не предлог ухода от реальности. Если ты один из нас, то это еще ничего не значит.

– Хотя, конечно, наш стиль жизни и не для каждого. Заботьтесь о тех, кого вы вводите в наш круг. Среди нас нет места духовно и эмоционально нестабильным людям. Они опасны, ненадёжны и могут в будущем предать нас. Будьте уверены в том, что те, кого вы выбрали, способны нести это бремя. Учите их контролю и осмотрительности. Будьте уверены в том, что они уважают наши пути.

– Мы не можем быть никем другим. Мы – это мы. Они заслуживают нашего уважения за свои услуги. Никогда не обращайтесь дурно со своими донорами, физически или эмоционально. Они не должны быть объектами манипуляций и домогательств в большей мере, чем они добровольно позволяют. Никогда не имейте доноров, являющихся таковыми за вознаграждение. Цените их общество и расположение, которые так редко можно получить от других. Цените их жизнь, которую они дарят вам. Ваш союз священен. Не предавайте его.

– У нас таких экземпляров выше крыши, – говорит Виктория Сорокина, сестра «Центральной клинической психиатрической больницы» №1 им. Н. А. Алексеева, – и я сначала тоже не принимала их стиль жизни. Как так можно жить? Но ведь это что-то вроде алкогольной зависимости, – говорит она, – поняла я потом. Сначала, когда ты только пробуешь виски, тебе это не очень-то и нравится. «Фу, какая дрянь», – говоришь ты, – Но потом пробуешь еще стаканчик, – смеется. – Ведь это это как первый секс, ощущения незабываемые и обязательно нужно всем рассказать, – говорит она, – Похвастать перед подружками, что ты уже не девочка.

– Мы просто другие, – подтверждает Ахмед и разводит руками, – и осознаем свою инаковость, как нечто, данное нам, и делающее нас такими. И мы разные. Есть потребители кала, спермы, мочи. Наши пути различны, даже не смотря на то, что наше путешествие общее. Никто из нас в отдельности не может дать ответов на все вопросы по поводу того, кем или чем мы являемся. Опыт и взгляды каждого из нас достойны уважения. Мы не должны позволять мелким идеологическим разногласиям становиться препятствием в деле нашего объединения. Для нас вполне достаточно нападок со стороны. В нашем многообразии – наша сила. Пусть различия в наших взглядах обогащают, а не разобщают нас. Мы развиваемся, как и любые другие культуры. От этого никуда не денешься. Мы есть.

– Это как алкогольная зависимость, – говорит он. – Сначала, когда ты только пробуешь виски, тебе это не очень-то и нравится. «Фу, какая дрянь», – говоришь ты, – Но потом пробуешь еще стаканчик.

– Наша жизнь требует определённой приватности. И мы не устраиваем из этого шоу. Мы никому не должны доказывать факт своего существования. Публичное признание в том, кто вы, даст вам совершенно не нужное внимание, и вызовет негативную реакцию всего общества. Хотя сначала хочется «по секрету всему свету» сообщить о своем «втором рождении». Ведь это это как первый секс, ощущения незабываемые и обязательно нужно всем рассказать, – говорит он, – Похвастать перед пацанами, что ты уже не мальчик.

– Но наше место в тени, – кивает Амирхан, – Наша самая лучшая защита от враждебно настроенной части человечества – это её неверие в наше существование. Когда-нибудь мы сможем сделать это знание публичным. Время придёт. Не стоит прятаться от своей природы, но не стоит демонстрировать её тем, кто не в состоянии понять.

– Необходимо научиться чувствовать момент, когда ты начинаешь потакать своей природе. Не стоит выставлять напоказ свою сущность в публичных местах. Процесс питания следует проводить приватно. Мы не должны подвергать опасности себя и других. Не будьте беспечны. Сохранность всего сообщества складывается из благополучия всех его членов.

– Мы должны жить так, как живёт любой другой человек: иметь работу, содержать дом, общаться с соседями. Быть теми, кто мы есть – не предлог ухода от реальности. Если ты один из нас, то это еще ничего не значит.

– Хотя, конечно, наш стиль жизни и не для каждого. Заботьтесь о тех, кого вы вводите в наш круг. Среди нас нет места духовно и эмоционально нестабильным людям. Они опасны, ненадёжны и могут в будущем предать нас. Будьте уверены в том, что те, кого вы выбрали, способны нести это бремя. Учите их контролю и осмотрительности. Будьте уверены в том, что они уважают наши пути.

– Мы не можем быть никем другим. Мы – это мы. Они заслуживают нашего уважения за свои услуги. Никогда не обращайтесь дурно со своими донорами, физически или эмоционально. Они не должны быть объектами манипуляций и домогательств в большей мере, чем они добровольно позволяют. Никогда не имейте доноров, являющихся таковыми за вознаграждение. Цените их общество и расположение, которые так редко можно получить от других. Цените их жизнь, которую они дарят вам. Ваш союз священен. Не предавайте его.

[illegible]

1. Интервью

– Мам, у меня завтра первое интервью!

— С кем?

– То ли с вампирами, то ли с людоедами... Х** их там знает, короче...

2016

Devotion

1

Ванька был единственный, кто тащился по девчонкам, но они ему не отвечали. Он уже и помидор напортил, и постель изгадил, и стенку в доме исцарапал, поэтому и решил – надо что-то делать! Когда карманные деньги на цветы и конфеты, кафе и кино у него закончились, когда фантазия на комплементы иссякла, он понял – нужно искать помощи у высших сил. И неважно, существуют они там или нет, верил он в них или не верил, Бог любит всех, пусть всем и помогает!

Как нужно молиться, он не знал, но в фильмах часто видел, как какой-нибудь герой говорил главному, когда подвешивал его жизнь на волоске: «Молись, к чертовой матери! Зарежу!» Герой не знал, как молиться, и когда тот же голос отвечал: «Молись, сын мой,

как умеешь! Главное искренность!» Еще в этом фильме он видел, как молясь и выпрашивая что-то у высших сил, мужики да бабы челом бьются. И что свечу нужно, он это тоже знал. Правда, это он в книжке вычитал.

Достал он старую свечу из погреба, пришел в комнату, повернулся в свободное место и стал до боли искренне молиться. Через неделю у него на голове была повязка, под повязкой в голове скрывалась страшная боль, внутри головы поселилась горечь, в общем, все было, любви только не было.

– К чертям это все! – подумал Ванька, – Девоч, что ли, жалко! Попользоваться даже на ночь не дает!

И неделю, пока голова не прошла, он стал терпеть, как монах.

2

Синяки на голове Ваньку не украшали, и плотской радости, естественно, не дарили. За деньги её взять тоже не получалось, поэтому Ванька решил, что брать любовь надо силой, и только силой, и пусть даже нечистой! Он решил Дьяволу душу продать. Какая разница Дьяволу, чью душу покупать, лишь бы душа была! Он, особенно, испорченные любит? Так Ванька вроде и не ангел в плоти. В любом случае, это его обязанность, пусть забирает!

К Дьяволу надо обратиться! Дьявол-то, что он, он не занят. Пока Бог души спасает, он сидит себе и отдыхает. Все равно, норма у него и так перевыполняется. Люди сами себя губят, палец о палец ничего делать не надо.

– Вызову Дьявола! – решил Ванька, – Поговорим хоть!

И он затеял сеанс спиритизма. Как только в кроватях затухли голоса родителей, как только наступила ночь, он схватил тарелку, буквы черным маркером написал на картах, взял свечу, что Богу не пригодилась, прочее барахло и стал звать.

Пелевин, Бог, Глюкоза и Дьявол словно сговорились не показывать свои лица, поэтому и Дьявол к нему не явился. Только, в отличие от Бога, удосужился блюдцем по столу посту- чать, мол, здесь я.

– Ты что там делаешь? – выкрикнула мать из комнаты, – Снова по ночам еду из холо- дильника ворует? Разогревай только! И не шуми! Мне завтра рано на работу!

Дьявол тут легонечко тарелку задвигал к буквам Л, А, Д, Н, О, затем, наверное, немного поразмыслил и вновь заскакал ей по столу: С, П, О, К, О, Й, Н, О, Й, Н, О, Ч, И.

«Вот штука! – подумал Ванька, – в Дьявола верю, в Бога нет!» И приступил к делу:

– Здравствуй, Дьявол, – заговорил он, – Дай мне, пожалуйста, девочку! Очень хочется! – попросил он.

Блюдце заскакало, получилось слово «ЗАКОНЧИЛИСЬ».

– Но у меня ни разу не было! Пожалуйста! – чуть не пустил слезу Ванька, умоляя его.

– Ха-Ха! – ответил на это Дьявол, а подумав, прибавил»!!!»

И Ванька каким-то чутьем понял, что после этого он исчез, сдался он ему, не грешник этот!

3

Вскоре, он все это рассказал однокласснику Лешке. Лешка был прыщавый, рыжий, поэтому его понимал, и довериться ему было можно стопроцентно, как пить дать! Лешка – свой человек. И он сказал Ваньке:

– Идиот ты, Ванька?

– Почему? – обиделся тот.

– Ты же спутаться с девочкой хотел? На прокат, так сказать, любовь взять, на ночь?

– Ну, конечно! Типа того! – сказал Ванька, – Не жениться же мне на ней! Не детей с ней заводить!

– Вот как! – ответил ему Лешка, – Так и просить надо было секса!

Ванька вылупил глаза, Лешка разумничался.

– Любовь – это кранты! – начал объяснять он ему, будто сам что-то понимает, – Она бьет прямо в сердце! От нее невозможно оправиться! Она на всю жизнь! И она избирательна! – и дальше продолжил лечить про две половинки и что-то тому подобное.

– Привередливая сволочь, – подумал Ванька про любовь, когда уже было темно, и он шел в одиночестве от Лешки домой.

2011

Любовь на прокат

1

Молодой человек приезжал в город по средам. Он покупал на рынке газету и спешил обратно на вокзал, брать билет до дома.

Оказавшись с ним в руках, он, однако, не торопился к автобусу, так как дорога до рынка и обратно занимала не так много времени, как ему казалось еще, когда он был в пути.

Газету молодой человек брал, имея лишь одну четкую цель. Он хотел поступить к кому-нибудь на службу с окладом, который бы позволял ему, довольствуясь малым, не переутомляясь, исполнять три долга гражданина. Не быть тунеядцем, жениться, о чем его настоятельно просили родители, снимать квартиру и жить отдельно, о чем его просили настоятельнее, чем о первом и втором.

Но на этот раз, развернув газету на странице с объявлениями и пробежавшись глазами по надеждам таких же безработных бедняг, как и он, парень наткнулся на удивительное объявление. Оно гласило: «Любовь на прокат». Плюс городской телефон без кода.

Следовательно, решил юноша, эта самая любовь отдавалась «напрокат» только местным, остальным же была недоступна?

Он удивился выходке подобного рода, и сплюнул от переполнившей его к газете ненависти! Это было единственное приличное издание в городе, которому люди могли доверять. Неужели и оно продано миру подлости и вседозволенности, и все проститутки с самой большой улицы, пересекавшей их городок (слава Богу, не центральной), стали подавать сюда объявления!

Сначала парень хотел, как здравомыслящий и социально озабоченный гражданин, разобраться. Но уже в автобусе, поразмыслил и отказался от этой затеи. Отчего он всегда должен лезть во все скандалы, совать нос в чужие дела? Он и так был достаточно известен тем, что один во всем городе являлся верующим и не скрывал этого. Ему не хотелось вновь становиться посмешищем только из-за гнусного объявления.

2

Трубку не брали. И он решил, что звонить в девять часов слишком рано. В городе все еще спят. Им некуда спешить. В девять часов все только начинает пробуждаться. Нужно позвонить в одиннадцать, а затем в два и три. В остальное время у них может быть обед.

Конечно, ему следовало бы позвонить вечером. Это даже разумнее. Кто идет к проституткам с утра? С утра их вышвыривают из номеров гостиниц, из собственных квартир

и съемных апартаментов. По крайней мере, так происходит в фильмах и книгах, и у некоторых его друзей. Хотя некоторые проститутки уходят сразу после работы. Может это и похоже на оскорбление мужского достоинства клиента, но им нужно спешить, и они совершенно не это имеют в виду. За ночь у них бывает много заказов!

А как еще заработать много денег в бедном городишке? Там, где все друг друга знают, где бизнес только малый и средний, а единственное предприятие разваливается подобно какому-нибудь колхозу после исчезновения Страны Советов?

Либо цены на плотские удовольствия должны быть завышены, либо цены должны быть разумными, но, учитывая риск самой древней и до сих пор еще не легализованной профессии, будет учащена частота работы обслуживающего персонала.

Ни один нормальный бандит не будет заниматься тем, что не приносит ему огромных денег. Потом оплата на подкуп полиции и прочих побочных расходов.

Хотя все же это было довольно странно – давать объявление о публичном доме в официальную и уже давно зарекомендовавшую себя газету. Обычно преступники не утруждают себя подобными записями, тем более в таком безликом месте. Все писалось на заборах краской, часто самими же ночными бабочками, ибо с утра никто не наблюдал маляров, наносящих такие записи.

Он позвонил несколько раз в два.

Потом позвонил в три. И даже сделал звонок в шесть часов вечера.

Трубку по-прежнему никто не собирался брать.

3

– Накрыли? – думал молодой человек поздно ночью, сидя на диване, – Да, скорее всего, непременно накрыли.

Ведь в самом деле, не один же только он покупает и читает эту газету. Её тираж около пяти тысяч экземпляров, а территория распространения пять или шесть таких же небольших городков.

– И потом, – шептал себе парень, – С какого это перепуга именно я, то самое, морально ответственное, чистое лицо? Я должен спокойно ко всему относиться. Иначе мне так не прожить.

Разве мало на свете благоразумных героев? Он, конечно же, льстит себе! Какой-нибудь возмущенный дедушка непременно позвонит! Его ревнивая бабка! Все эти советские замученные пенсионеры! Все эти инвалиды ВОВ! Почему простой учитель, который не может найти себе службу, должен беспокоиться об общественной морали?!

Не будут же милиционеры болтать ногами? Они примут меры. Это где-нибудь в другом месте любовь напрокат может существовать. Здесь, в тихом городке, это запрещено.

Он вертелся, словно утром его ожидала какая-то важная встреча, будто ему предстояли важные переговоры, или он должен был навестить больного друга, или свидание. Он беспокоился. Впрочем, на следующий день его действительно ожидали для важной встречи.

4

Двое мужчин ехали по направлению к дому молодого человека.

– Его придется убить? – спросил первый.

– Да, иначе нельзя, – ответил второй.

Первый держал в руках какие-то бумаги. Как оказалось, какие-то бумаги являлись личным делом молодого человека.

– Жалко как-то, – сказал первый, – Он только жить начал. Окончил университет и стал искать работу, чтобы не обременять родителей.

– Хм, – второй остановился перед светофором. Он вел машину и занят был лишь тем, чтобы ничего не нарушить на дороге и не убить еще кого-нибудь по пути к предстоящей жертве.

– У него даже первого раза-то еще не было, – продолжил жевать сопли первый, – жалко убивать такого парня. Быть может, он бы женился, стал бы хорошим семьянином? А? – с надеждой посмотрел он на водителя.

– Он может знать правду? – наконец, заговорил второй, – То, что мы отлавливаем мужей-блядунов?

– Не-а.

– О нашей организации может хоть кто-то знать?

– Нет. Иначе информация распространится, и мы не сможем продолжать тайно выявлять изменников и очищать мир от блуда, – отчеканил первый, словно заученное в школе правило.

– Почему мы должны его прикончить?

– Тот, кто не интересуется такими услугами, не будет обращать внимание на объявление подобного рода. А если он не женат, и обращается – он попадает в группу риска.

– Да.

– Его необходимо убить.

– Безусловно.

Автомобиль пару раз повернул направо и остановился у подъезда двухэтажного дома. Дома молодого человека.

– Поэтому идем, – сказал первый.

– Эх, жалко же, – пропищал первый еще раз.

– Не лги. Страшно.

Это был его первый в жизни приговор.

Открылись двери, захлопнулись.

Шаги на лестнице.

Открылась дверь, захлопнулась.

Выстрел.

2011

Моя любимая учительница

В педагогическом колледже моя учительница твердила мне, что первым всегда здоровается тот, кто умнее.

Именно эта учительница, которая стоит сейчас передо мной в магазине «Магнит», потерявшись от того, что мы с ней столкнулись. Она как пташка, попавшая в сеть, не знает, куда себя деть.

Ну, не лучший ученик попался! Что ж теперь делать?

– Здравствуйте, Татьяна Владимировна, – говорю я ей.

Она отвечает отрывисто. Быстро. И при этом дергается и моргает глазами.

– Здравствуйте, Руслан. Как у Вас дела?

– У меня всё хорошо, – отвечаю я.

– Ага. Угу.

Пауза.

У меня нет желания продолжать с ней разговор, поэтому даже формально, из вежливости, я не спрашиваю её о делах. Хотя, если подумать, это могло бы быть и издевательством с моей стороны, потому что, смотря на неё, я и так все прекрасно понимаю.

В руках она держит пакетик чипсов, который она только что второпях стащила из соседней коляски, как только завидела меня. Боже мой, и что она собирается с ним делать, думаю я.

Наверное, салат с чипсами?

Её руки все в дорогах. Кошмар, какой. Хотя, когда-то она мне пророчила эту судьбу. Судьбу наркомана.

– Главное, что у меня будут деньги на наркотики, – отвечал я ей, – И на хорошие книги, а не на один английский!

– Ты еще на него заработай! – прорычала мне она в ответ, – А то сидит, герой, с библиотечной!

И она нагнулась занести мне в журнал отметку «два». Уже восьмую за семестр по её предмету.

Я схватил со стола учебник и швырнул в неё. Надел на плечо сумку и вышел.

– Торчок! Да как ты смеешь!

– Ну, я, наверное, пошла, – она закрывает руки, – До свидания, Руслан.

Я на прощание шмыгаю носом.

Потом подхожу к охраннику и говорю не досматривать рыжую телку в сиреновом пальто при выходе. Я знаю, что она подозрительная, говорю я ему, но она моя любимая учительница.

2011

Моя первая доза

1

Конечно, эта сволочь часто пропадает. И не отвечать на телефонные звонки для нее тоже обычное дело. Но, мать твою, это уже далеко зашло. Две недели уже! Свободные отношения! Ландау! Ля-ля-ля!

В общем, терпеть ее больше я не намерен. У меня куча всяких проблем! Неоплаченные счета! Ненайденная работа! Разбитая машина! И кругом – долги, долги, долги, вонючие долги! И сегодня уже Андрей попортил мне здоровье из-за них. И я не могу переживать еще и из-за этой твари! Любовь, она, блин, повсюду! Куда б ты не пошел, она с тобой, в твоём мозгу.

Сейчас я курю «KISS», но если через пять минут эта чувиха не появится, на столе у меня уже приготовлен баян. Раз – и все! Все твои проблемы решены! «Украл, купил, вмазал!» – вот так я теперь буду жить. Как все остальные кореша.

Я, блин, стоя, курю и нервно поглядываю на группу «Nirvana» по Муз ТВ. Песня, конечно, хорошая, к Курту не придерешься, твою мать. На улице лето, оно настоящее. Будто твой дом в пустыне – жарко!

Я слышу, дверь открывается. Ну, кто это? Естественно, она! Ключей больше ни у кого нет. Я бегу в прихожую и, короче, тотально накидываюсь на нее. Я весь на нервах! Я злой, много претензий.

– Ты где пропадала, а?! – ору я. У меня, наверное, глаза точно с орбит повыскакивали. Дым с ушей и все такое.

– Наташ, не тупи, а! – говорит она мне.
– Я тебе столько звонил, писал! Где ты была?
– Я ездила на концерт Sound garden!
– Я люблю тебя, понимаешь! – объясняю я ей, – Я волнуюсь! Где он был?!
– Волгоград.
Офигел от такого пофигизма.
– Он не далеко отсюда! Где ты торчала две недели?!
– Я познакомилась с таким парнем! Чудо в постели! – эта моральная уродина заката глаза, как в блаженстве, погрузилась в воспоминания и рухнула на кровать, – Я устала!
Наташ, сделаешь мне кофе? – и улыбнулась.
– В смысле, в смысле ты развлекалась и потом устала? – я был добит окончательно.
– Он ненасытен, – прозвучало, как жалоба, она недолго смотрела на меня – я стоял в оцепенении – а потом как заржет!
Мне нечего было сказать.
– Ты издеваешься надо мной! Ты променяла меня на какой-то член!
– Я не виновата в твоей поломанной ориентации. Он – парень! Я – девушка! Это нормально! А ты? Лесбиянка и трансуиститка!
– Наши права признали!
– Права негров тоже признали, но они от этого не изменились! Черненькие такие же!
– Нельзя смеяться над чужими недостатками!
– Нельзя мешать другим своими недостатками! Тем более, навязывать их! Давай, не сходи с ума! Мне через два часа к маникюрист. Если хочешь, вместе пойдем.
Я стоял, дрожа от злости, но как-то не твердо стоял, думал, что сейчас я упаду в обморок. На меня как-то внезапно такая усталость навалилась. Тут Маша посмотрела на мой стол. Там, кроме пульта, лежал баян.
– О! – сказала она и снова залилась. Господи, как у меня тошнит от ее «ха-ха», – Ты я вижу тоже не ангел, времени зря не теряешь!
– Что?! – не могу описать состояние – пусть перед вашими глазами проплывет картинка атомного взрыва, – а она ржет, естественно, – Ты еще и наркоманка!..
Я схватил ее за руку, Маша, казалось, была не со мной. Вам бы картинку улетающей в небо души здесь, как пить дать! Да, на руке рубцы... Я ринулся к баяну...

2

Короче, очнулся я в нашей задранной ванне, а точно не знаю от чего пришел в сознание: то ли оттого, что эта тварь хлестала меня по лицу и уже в кровь исцарапала его, то ли от того, как она невыносимо визжала:

– Вставай, сволочь! Очнись, мать твою! Тварь, живи, живи!

Я был погружен в воду, не раздет, а в одежде.

– Ты что?! – заорала на меня моя «любимая» после того, как я открыл глаза, – Нафига столько геры вкалывать в первый раз! Да ты б сдохла здесь, если б не я! Мне чуть ли не литр соленого раствора в тебя пришлось вогнать, сейчас пить будешь и ссать, как после тонны съеденных арбузов! Я с тем парнем не могла не переспать! У нас же ни копейки денег! И шмаль... И на Sound garden не как за хлебом в магазин! И не на улице ж мне было торчать!...

Теперь я ржал, мать твою.

2009

Кирилл Берендеев

Кирилл Берендеев родился 17 августа 1974 года. В 1998 г. закончил МИРЭА. В настоящее время – главный редактор альманаха «Астра Нова» (Санкт-Петербург), редактор и составитель журнала «Edita» (Гельзенкирхен, Германия). Литературой начал заниматься достаточно давно. Публиковался с 1998 года в украинском журнале «Порог». Печатался в журналах: «Наука и жизнь», «Искатель», «Человек и закон», «Север», «Знание-сила», «Смена», «Урал» и др. Ряд рассказов переведен на украинский язык. Печатался в сборниках издательств «Альфа-книга», «Шико», «Эксмо», «Северо-запад» и других. В декабре 2009 года в издательском доме «Флюид» вышел фантастический роман автора «Осколки». В 2014 в минском издательстве «Букмастер» роман «Архитектор», а в 2016 году в издательстве «Edita gelsen» (Гельзенкирхен) – авторский сборник повестей «Поход Мертвеца».

Натали

Имя Наташа ей шло – смешливая, белокурая девчушка, с забранными в пучок волосами, веснушчатым округлым лицом и дородной, но не расплывшейся фигурой; и пусть за сорок, пусть разведенка, – было в ней что-то, магнетизм, жадно притягивающий взгляды, к тонким улыбающимся губам, к карим глазам с искорками. Когда я поднялся на восьмой этаж – вызвонить удалось именно ее. Одета в розовую пушистую пижаму, она открыла дверь в межквартирный коридор безо всякого, выслушала мои объяснения и кивнув, ушла к себе. Должно быть, я поднял ее с постели.

Через месяц снова пришлось подниматься – весна девятого, я работал дома на полставки, искал, что попроще, а пока не находилось, воевал с умниками, так хитроумно протянувшими кабель, что разветвитель на две квартиры находился двумя этажами выше меня и тремя ниже тех, кто, видимо, давно не пользовался услугами «Городских коммуникаций», проводивших интернет. При каждом скачке напряжения в нем скапливалась ЭДС самоиндукции, отрубавшая плавное течение мегабитов – приходилось подниматься, вызывать кого-нибудь с восьмого, или просить передернуть кабель, если этот кто-то, робкий подросток, не решался открыть дверь к лифтам. Дергать же инженеров, занимавшихся ровно тем же, оказалось напрасным делом, перемещать разветвитель они все одно не стали. Приходилось мириться, ибо монополия.

Второй раз Натали предстала одетой в юбку до колен и белую рубашку, я подумал, соседка уходит, потому спешил разобраться со своими делами. А она, немного помявшись, вдруг спросила могу ли я помочь ей – посмотреть на ее компьютер. Дождавшись зеленого

огонька в разветвителе, я последовал в дальнюю квартиру, возле окна, заставленного геранью, фикусами и бальзаминами.

Прихожая, с белоснежными обоями выводила в голубую спальню дверью справа и на кухню напротив. Большая кровать под тюлевым балдахином, рядом с которой находилась тумбочка и доска для глажки, полупустая стенка, полураскрытыми дверями обнажающая интимное. Я почему-то подумал совершенно о другой цели визита – вот только ноутбук нашелся мигом, стоял, открытый, на столе у окна, рядом с полками, забитыми медицинской литературой и стихами. Над ним и чуть в стороне висело около десятка икон, обрамлявших по кругу главную – лик спасителя обрамленный жестяными лучами. Обилие символики меня передернуло, я плохо представлял себе, как можно все это повесить в спальне. Молиться, не вставая, конечно, удобно, но...

Натали оборвала ход разбежавшихся мыслей, указав на белоснежный ноутбук.

– Стал очень медленно грузиться, может сможете что-то сделать? Я звонила мастерам, но видимо, так плохо объяснила...

Пришлось повозиться. Встроенный антивирус перестал работать квартал назад, а скачать портативный не удалось, пришлось сходить домой и притащить все необходимое. Через час, после удаления около двух десятков вирусов, компьютер заработал более-менее сносно, однако модем, к которому был еще присоединен и домашний телефон, цедил килобитами. Пришлось соединяться с техподдержкой.

– А ты точно никуда не спешишь?

– Просто привык доводить дело до конца.

– Ты мой рыцарь.

– Так и есть, сударыня, – за время, пока программа искала и уничтожала вирусы, мы разговорились, перешли на ты, попили чаю, послушали музыку. Я так и не спросил об иконах, вопрос задал в другой раз, когда пришел скоротать теплый вечер. А тогда – я действительно никуда не спешил, день выдался пустым, и хорошо, что Натали смогла заполнить его. После разговора с мастером, мы вернулись в кухню, почайпили. Натали работала в глазном институте, медсестрой, без малого пятнадцать лет, но квалификацию повышать не спешила – тот вечер и следующий она рассказывала мне истории из больничной жизни, вздорные, жизнерадостные, как она сама. Даже операции, на которых Натали ассистировала, проходили с огоньком. Да и среди подружек она верховодила, собрав из сестринского отделения общество таких же, одиночек и разведенков. Потчевала их своей неиссякаемой энергией.

Я молча слушал, рассказывать о своих неприятностях, а ничего другого в голову не приходило, не решался. Уже позже... но пока сидел и слушал, пока не позвонила мама, напоминая о времени и себе. В квартире Натали часы оказались только в ее мобильном – белой раскладушке с розовыми цветочками и золотыми листиками. Удивительная история, как она достала его, как и все удивительно в ее жизни.

Вернувшись домой, я долго не мог заснуть, а когда погрузился в сон, снова увидел ее. Очнулся, встрепанный, снова ухнул в небытие и снова узрел Натали, осознав, что хочу ее до невозможности. Проснулся с той же мыслью, долго не решался позвонить, а когда набрал номер, оказалось, она на работе – наверное, к лучшему. Натали работала два через два, по двенадцать часов в день, за двое суток брожение успело немного остыть, так что, когда она сама позвонила, я не напрашивался, но все одно был приглашен посидеть – работа вымотала, ей хотелось простого общения.

– Странно, что мы с тобой не встречались прежде. Ты уверена, что уже десять лет здесь живешь? – Натали улыбалась, кивала, потом вставала к холодильнику, выше ее ростом, и доставала варенье. Ее собственное.

– Наверное, я тебя видела и раньше. Плохо запоминаю лица. Но вот в школе должны встречаться.

– Тогда уж точно бы не заметил. Я на девчонок даже из параллельного внимания не обращал. Была одна, за которой хвостом бегал, но она – беда в том, что сразу после школы стала мне женой.

– Но ведь ты же развелся, так что гармония восстановилась.

– Года не прошло. И без детей.

– Я даже не сомневалась, что до детей вы не догадаетесь, – с ней было удивительно просто. День выдался жаркий, неспешно он перешел в теплый вечер, озаривший кухню золотом заходящего солнца. Возбуждение, прежде бывшее в голову, а после сошедшее, к концу дня снова напомнило о себе, да и Натали верно, виновата – закрывая усталые ноги краем скатерти, подсознательно давала простор жадным мыслям. Вроде бы усталая, но тугое тело, затянутое в знакомую белую сорочку, оставалось напряженным как тетива.

После, узнав, что она собирается провести дачу, я отдал ей раскладушку, одну из многих, оставшуюся в наследство от отца, как и спальные мешки, палатки, да многое что, что удалось вынести после разорения склада, который он, уже будучи на пенсии, сторожил. Отбытие длилось недолго, меньше недели – едва вернувшись, Натали пригласила с собой, в монастырь в центре города. Я поднялся на восьмой и долго ждал, пока она запирает входную дверь, нашептывая что-то про себя. Я спросил, молитва ли это, Натали кивнула. Она не стеснялась своей религиозности, но и не выпячивала ее, как многие, я не сомневался, что на шее у нее крестик, но ни разу не видел его.

В автобусе разговор снова зашел о вере, я вдруг вспомнил, что в тринадцать хотел стать священником – до тех пор, пока не узнал в точности, что представляет собой профессия жреца культа. А мне хотелось разве что стать психологом без диплома, отчасти я и занимаюсь этим сейчас, через всемирную паутину пытаюсь помочь ближнему своему за скромную плату, уходящую работодателю. Натали улыбалась глазами и только тень улыбки играла на тонких губах.

– Я чуть не стала монахиней в двадцать. Так что не ты один, мой рыцарь, оказался перед выбором.

– А что помешало? – она пожала плечами, разное. Прежде всего, учеба, да и собственная ветреность, ну сам посмотри, какая из меня монахиня. Я ведь хохотушка и розовая девочка, таких не возьмут. Я люблю господа нашего, но...

– Странную любовью? – кивнула в ответ: в монастыре одна строгость и столько непонятных, ненужных, да и лишних канонів, на которые особенно сейчас, ей странно смотреть. Конечно, она соблюдает посты и ходит на исповедь, но не постоянно, а по необходимости.

– Мне кажется, нельзя любить по часам. Иначе получается, что я навязываюсь, – произнесла она.

– А муж? – Натали прожила в браке пять лет и только недавно освободилась. Как и я. Неудивительно, что каждый из нас поначалу хотел все переменить, мы оба вернулись к родителям, вот только она не смогла протянуть дольше полугода, а я до сих пор живу со своей старушкой.

– Ты же должен понимать: в каждом браке отношения разные.

– А он вообще был верующим?

– Он и сейчас верующий, – улыбнулась она.

– А дети?

– Так и не договорились, – и по прошествии остановки, – Нам пора.

Пошли под руку, остановившись перед надвратной иконой, Натали надела платок и повела меня в храм Живоначальной Троицы, пятисотлетние стены пропитались запахами ладана и воска, сейчас на жару, ароматы тянулись вслед за прихожанами, медленно поднимаясь на верхние этажи. Она сразу пошла в подвал, где располагалась церковная лавка, купила свечки и долго, пока я шарил взглядом по стенам, выбирала образок – знакомой, которой

предстояла операция на кишечнике в бесплатной больничке. Советовалась шепотком с молодой продавщицей в черном, наконец, та достала иконку преподобного Алексия. Святой сильно походил на спасителя, вот только весь в отрепьях, лохмат и нечесан. Купив, Натали, снова о чем-то шепталась, кивнула и наконец-то повела меня наверх.

Там я снова остался один, пока она отдавала записку священнику, стоял перед иконой богородицы, разглядывая потемневший от времени и чада свечей, вспоминая, что было здесь прежде. Кажется, точно не музей. В монастырских покоях, хорошо помню, находилось общежитие ткацкой фабрики, накрывшейся еще в середине девяностых, тотчас же монастырь отошел к церкви.

Затрезвонил мобильный – мама. Просила купить хлеб. Я коротко поговорил, отойдя к самой иконе, будто с ней разговаривал, только потом узнал, что отчасти так и вышло – изображение называлось хлебной иконой, перед которой я должен ставить свечки для получения хорошей работы. Потом узнал: Натали просила помолиться и за меня.

Мы поднялись наверх, постояли у еще одной иконы богородицы, затем, сходили в другую церковь. Сели на лавочку в теньке: Натали устала. Сперва сидели молча, но моя розовая знакомица не могла утерпеть, стала вспоминать, как полгода назад, поздней зимой, сюда привезли мощи Андрея Первозванного – очередь желающих причаститься выстроилась на много километров. Она простояла часов шесть, прежде чем коснулась раки. Морозец стоять не давал, хорошо служки бегали, оделяли страждущих блинами. Правда, по сотне рублей штука.

– Я и говорю: «друзья, ну что же мы стоим, в гастрономе напротив икра куда дешевле, давайте скинемся, поедим как белые люди». И так хорошо: поели блинов с икрой, псалмы попели, чаем согрелись.

Я накрыл ее руку своей. Натали обернулась на храм, потом на меня. Высвободив ладонь, стала что-то искать в сумке.

– Люблю здесь сидеть. Тихо, спокойно. Сразу вся грязь сползает, – и помолчав чуть, прибавила: – Пойдем потихоньку, скоро автобус подойдет.

– Странно все же, – произнес я, поднимаясь. – Ты ведь сама врач, ну не запирайся, с твоим опытом, давно могла стать. А будешь дарить иконку на удачу.

– Поэтому и дарю. Я тебе рассказывала, как у нас хирург больному на ухо локтем надавил во время операции?

Я проводил ее до двери, следующие дни у Натали оказались рабочими, мы собирались снова встретиться, но тут случилась оказия: знакомый забрал машину с ремонта и был готов подбросить до дачи, на четыре дня – по такому случаю Натали взяла выходной. Я напомнил о себе, но получил отказ: буду все время на огороде, не хочу, чтоб мой рыцарь видел меня невестой какой. И еще надо поглядеть, будут ли забор красить.

Забор покрасили – розовым, конечно. Натали показывала фотографии, сделанные ее раскладушкой, жаловалась, что мальчик, никак не мог поверить, в мою серьезность. «Но я же говорю: „Ты на меня посмотри, какой мне еще забор нужен, не красный же“, а он как раз красную краску принес и белила. Развел, порадовал меня, убил соседей. Убитые соседи на следующем снимке».

Я ей показывал свои снимки, предложил поставить один из понравившихся в качестве заставки на рабочий стол ноутбука. Она отказалась, улыбнувшись, мол, каждое утро, включая компьютер, буду здороваться с моим рыцарем, а его нет. Я возражал, ну почему же, я здесь. Она озорно заискивала взглядом, спросила напрямую, нравится ли мне. Я отвечал, кажется с какой-то обреченностью в голосе – с первого же дня. Натали смутилась, спохватилась, как же так, я столько для нее сделал, а без отдарка до сих пор. Пошли на лоджию, она стала сыпать без разбора кабачки, патиссоны, огурцы, морковь в сумки, набила три, одна порвалась, она немного успокоилась, я принялся откладывать.

– Все точно не дотащу, даже до лифта.

Через два дня снова был у нее. Знакомая привезла малину и щедро оделила подружку, та пригласила разобрать ягоды. Натали, готовя основу для варенья, рассказывала о пациенте: мальчишке лет двадцати с большим гонором, даже ей с трудом удалось окоротить требовавшего себе особые условия парня. «Могу поселить в ординаторской, говорю ему, но тогда придется отвечать на звонки».

– Как они без тебя обходятся?

– Иногда звонят, просят придти, подменить. И хорошо, если во второй день, а сразу после смены – я с ног валюсь. Я говорю, миленькие мои, ну совесть поймите, я и так стараюсь, дайте роздых, – вздохнула и снова улыбнулась: – Не всегда так случается.

Через три дня позвонила, попросила придти. Вернее так, позвонила, но напротился сам, по голосу поняв, насколько Натали не та, к которой я привык за полтора месяца. Встретила меня у лифта, заранее открыв дверь, знакомая розовая пижама, серое лицо. Проводила в кухню.

– Позвонила сегодня утром в больницу, Сашу готовили к операции, я ей икону дарила, – я кивнул. – Вчера вечером звонила, сказала, вот видишь, даже твой человек божий не понадобился, а сегодня утром умерла. До сих пор не своя, – и тут же: – Не умею я этого делать.

– Чего «этого»? – не понял я.

– Да и она хороша, взяла, хотя заранее знала, что не положит у кровати, не помолится, в церковь не ходит, а она рядом, церковь, в двух шагах, на территории. Божья помощь не получается, раздаю, а только хуже.

– А были другие? – она кивнула.

– С мужем так. И с другими. Я люблю бога, но я не умею делиться им, своей любовью. Я не обрядная, я молюсь, я пощусь, я исповедуюсь, мне все прощается, но другим, вот им – нет. Прости, что я говорю, мне надо не тебя тревожить, а его, он может один сказать. А может и говорит, но не понимаю, не понимаю ничего, – Натали заплакала.

Первый раз видел ее такой, исчезла вся она прежняя, совершенно другая женщина, сорока с чем-то лет сидела передо мной, плакала, не вытирая слез, уставясь невидящими глазами в холодильник и коротко всхлипывала. Я подсел, попытался прижать к себе, она оттолкнула.

– Не надо, я другая сегодня.

– Я знаю, но...

– Не надо, – и вдруг: – Я ведь нравилась тебе.

– Ты мне и сейчас нравишься. Я тебя почти каждый день во сне...

Она хотела закрыть рот рукой, но промахнулась, будто пощечину попыталась влепить. Сжалась, произнесла «прости», снова долго молчала.

– Ничего не выйдет. Я не такая, – повторила и снова замолчала. Только глаза просили уйти. Им я и подчинился.

Натали позвонила на следующий день, пытаюсь снова предстать прежней. Голос с заметной хрипотцой просил прощения: Натали собиралась на дачу на неделю. А там сам знаешь, связь не ловится. Я молча кивал, пока не сообразил, что Натали не увидит движений головы.

– Поедем вместе.

– Ты же знаешь, я тоже буду не такой. Мне не хочется. Прости, – и тут же: – Зато, когда вернусь...

Связь неожиданно оборвалась, я перезвонил, но Натали больше к разговору о поездке не возвращалась. Говорили о ее делах в больнице, она говорила, я слушал.

Позвонила только через двенадцать дней, до этого домашний отзывался роботом, сообщавшим, что хозяйка пропустила платеж, мобильный недоступен. Сказала, что переехала,

теперь до работы всего пятнадцать минут на автобусе, без пересадок. А не другой конец города, час с лишним в одну сторону.

– Ты как будто всем мегаполисом отгородилась, – наконец, произнес я.

– На новоселье не приглашаю, вот разберусь чуть, а то уж очень тут грязно. Перед собой неудобно. Кухня вся черная и холодильник заляпан чем-то. Я тебе позвоню, когда все налажу. Тогда и посидим.

– Буду ждать.

– Посидим, – эхом повторила она, заканчивая разговор. Я положил трубку на базу, молча оглядел комнату. Потом поднялся, смял старую трепаную картонку иконы богородицы и вышвырнул ее в окно. Будто пытался мстить испугавшейся меня чужим подарком.

Через день меня пригласили на собеседование, взяли на работу. Натали могла бы сказать о свечке, поставленной недели назад перед хлебной иконой – но ее не было рядом. Совсем не было.

Начало июня 2016

Карта памяти

алаверды моей «Ностальгии»

Сижу перед экраном монитора и заморожено смотрю на заставку: камера движется в кирпичном лабиринте, обходя препятствия, минуя тупики, иногда тыркаясь в них и возвращаясь обратно, чтобы снова и снова блуждать в поисках неведомого, пока я не тронушь мышью или не нажму на клавишу. Как завораживает это блуждание, не знаю, сколько прошло времени, но я по-прежнему сижу перед экраном, не отрываясь, иногда мне кажется, что это я сам брожу в неведомых далях и ищу что-то, давно потерянное, что-то, что так жажду поскорей обрести, и одновременно сижу, ожидая, разглядывая собственные блуждания.

Жизнь состоит из ожиданий, сотканых из спешных перемещений от одной точки к другой. И даже сами перемещения эти порой состоят из бесконечного ожидания – сидя у окна поезда, самолета, автобуса, глядя на темнеющее или светлеющее небо, на морось или снег, лучи, разбивающие полудрему путника, ждущего своей остановки. Чтобы выйти и пересесть на другой транспорт, который доставит его к другой точке, а покамест его еще следует дожидаться. А затем ждать снова, сидя в проходе или у окна, перемещаясь, или добравшись до места назначения, опять ждать – работы, обеда, отдыха, времени отхода ко сну, – и снова времени отправления рейса.

Я много попутешествовал за свои тридцать лет. Пожалуй, даже слишком много, – с той поры, как закончил областной институт, почти ежегодно менял место жительства. Волею судеб или своей переменчивой натуры, никак не могущей устроиться на одном месте и постоянно гонящей невесть куда, но так получилось, что исколесив половину страны, и даже вернувшись в исходную точку, я все не осяду, ожидая момента сорваться снова, продолжив нескончаемый путь. И только ожидание, все то же самое ожидание, пока еще сдерживает меня от нового броска в неведомое. В комнате, которую я снимаю у непамятной на лицо старушки, вещи так и остались не распакованы, всего-то баул и сумка, ничего лишнего, в строгом соответствии с принципом часто летающего самолета. Десять килограммов ручной клади и двадцать три багажа. Все остальное приходится оставлять на земле, в минувшем. Закупаю лишь то, что пригодится сейчас и на то время, что пробуду в том или ином месте. Ничего сверх, чтобы не обременять излишним скарбом, который все равно придется оставить в точке отправления. А с ним и все, что поневоле пытаешься сохранить – телефоны, адреса, встречи, разговоры, объятья, поцелуи... все, что составляет обыденную жизнь человека, до которой мне по-прежнему очень далеко. Работа, выполняемая мной в раз-

ных городах и весях, носит характер вечной командировки, бессменного передвижения – после войны и кризиса и в преддверии нового тысячелетия до которого полгода осталось, кажется, всё и все вокруг стали обладать повышенным содержанием непостоянства. Некой необязательности, будто изначально заложенной в саму основу основ медленно восстанавливающегося после одних потрясений мироздания и готовящихся к неизбежным новым.

Боюсь, и всё мое мироздание, и нынешнее и грядущее, все последние встречи и знакомства можно смело отнести к этой категории. Даже самую последнюю, уже дома. Все никак не поверю, что я уже снова дома.

Я познакомился с Леной неделю назад, в магазине сотовой связи и аксессуаров, покупал аккумулятор к мобильному. В скольких городах он успел перебивать за истекшие два года, сколько перенес переездов, смен часовых поясов и высот, просто удивительно, что до сих пор жив, и выдвижная антенна по-прежнему функционирует, а крышка микрофона не отскочила, хотя и здорово расхлябалась. В этом городе еще нет полноценной сотовой связи, только в центре и на автовокзале, там, где я и остановился. Для местных жителей, вернее, для нас, – никак не привыкну, что я здесь родился, – это роскошь недостижимая, не нужная ни в быту, ни по работе. Ведь мало того, что и дома и на службе стоит телефон, так повсюду с советских времен наткано множество ставших бесплатными таксофонов. Спрашивается, зачем же платить несусветно дорого за все исходящие и входящие звонки?

В магазин связи или как он позиционировался «цифровой салон», где продавцом-консультантом работала Лена, большинство заходило разве что посмотреть да покачать головой – или переждать разгулявшуюся непогоду. Впрочем, магазин держался на плаву, Лена служила здесь около года и не жаловалась даже на задержки зарплаты. Собственно, с этого вопроса, последовавшего за совместными поисками нужного аккумулятора на витрине – «Вадим вечно все переложит и уйдет, а потом ищи», – как-то незаметно и началось наше знакомство. Когда я пришел вторично, вроде как приглядеть модель поновее, мы договорились о свидании вне торговых стен.

Но перед этим случилась довольно примечательная – для моей жизни, моего мироощущения, как угодно, – история. Казус, который в силу своей малозначительности прошел бы стороной, не обрати я сам на него внимание.

Лена поинтересовалась, есть ли у меня ноутбук, я покачал головой, в силу специфики жизни, таскать лишние пять-шесть кило не представляется необходимым. Тем не менее, она прорекламовала один из недорогих, обладавших изюминкой: вместе с обычным дисководом, в нем находилось устройство для чтения карт памяти. Я улыбнулся невольно, девушка вопросительно подняла брови. Необходимы разъяснения.

Наверное, ограничусь я двумя словами, мы и по сию пору встречались бы в магазине, перебрасываясь парой слов. Но мне хотелось объяснить, что-то в ней виделось такое, отчего плевать и на возможно скорый отъезд и на свою диспозицию. Хотелось побыть рядом как можно дольше, это чувство, посетившее меня в первый же визит в тот магазин, не отпустило, напротив, в следующий раз укрепилось только.

Многим покажется странным, как я воспринимаю окружающий мир. Но когда ты все время в дороге... Лена поначалу тоже улыбалась, потом неожиданно погрузилась, дослушала монолог и согласилась на встречу. Я переспрашивал, Лена качала головой, говоря о чем-то враз накотившем, чему и сама не может дать пояснения, лгать она не умела и прекрасно понимала это. Спросила только, как выглядит этот город, внутри моей памяти. Ведь я назвал воспоминания картой памяти, я кивнул, странное название шло со мной из города в город, пока не вернулось назад, на круги своя, я вытянул его из своего детства, откуда-то из самых его глубин, сейчас трудно сказать даже, что послужило этому первопричиной, может, моя основа такова, что не видит мир иначе как карту, по которой придется пройти, от абриса до абриса.

Мои воспоминания – это всегда дорога, а что за дорога без карты. Карта пройденного, сделанного, встреченного и потерянного, она всегда со мной, единственный багаж, что все время пополняется новыми подробностями, любовно складываемый в, кажется, бездонный сундук, что я несу с собой, не боясь потерять. Мои воспоминания рассредоточены по карте жирными или крохотными точками, в зависимости от того, сколь долго я пробыл в том или ином месте, и соединены толстыми или тонкими линиями, опять же по количеству езды туда и обратно. И каждая точка при приближении сама распадается на множество мелких – места, где я останавливался, встречался, расставался, проводил время в одиночестве, в компании или с кем-то наедине. И каждая из них соединяется линиями, большей частью только и оставшимися на этой карте: мои ненависти, радости, горести, любви и разлуки давно потеряли свое значение, обретя место в бездонном сундуке воспоминаний. Пожелтев и став страницами, бережно подшиваемыми в безразмерные папки.

Самая толстая относится к этому городу, как же иначе. Здесь я провел большую часть своей жизни, и провожу сейчас свое возвращение, здесь я познал самые первые, и оттого самые яркие ощущения от окружающего меня мира. Сильнее любил, яростней ненавидел, больше горевал и тягостней расставался; кажется, только тут у меня и случались по-настоящему искренние и теплые компании, впрочем, в те годы и деревья были больше и трава зеленее. Правда, по большому счету, мне сравнивать не с чем, ведь прочие точки на карте памяти куда мельче и ничтожней этой центральной. Здесь я обрел все то, с чем потом устремился в вечное плаванье. Весь багаж, что вожу с собой и поныне, несколько мелочей, подсознанием связанных с детством, отрочеством, юностью. От которых невозможно отказаться не только в силу их малости, положил в карман сумки, пока снова не припечет, не нахлынет бывшее, обдавая с головой, но и поскольку значат в моей жизни слишком многое, чтобы я мог их оставить в одной из гостиниц или съемных квартир просто так, делясь с кем-то еще.

Одна из таких вещей – небольшой, в почтовую марку размером, кусочек пластмассы с полустершейся надписью, верно, какой-то чип, неясного теперь, за истекшими годами, назначения. Деталь неизвестного ни тогда, ни сейчас электронного механизма, подаренного мне соседом по коммунальной квартире, жившим через стенку от нас, ближе к входной двери. Тогда ему было, да, едва ли больше, чем мне сейчас. Около тридцати. Но в восемь не только деревья кажутся большими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.